

Кильмаматов Руслан Рамилевич

аспирант кафедры истории Башкортостана,
археологии и этнологии, Института истории
и государственного управления
Башкирского государственного университета

ЮЖНОУРАЛЬСКИЕ МИШАРИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КАНТОННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация:

Историко-этнологическое исследование посвящено анализу истории южноуральских мишарей во время функционирования в крае кантонной системы управления, когда их сословные и этнические границы в целом совпадали. Исторический аспект исследования отражает основные вехи этого периода с 1798 по 1865 г. с кратким экскурсом в более ранний этап. В статье предпринята попытка реконструкции процесса формирования и развития идентичности мишарей с учетом выявления факторов, имевших на него непосредственное влияние. Научная новизна обусловлена впервые осуществленной комплексной оценкой малоизученной этносословной общности – южноуральских мишарей. Несмотря на значительный интерес ученых к этнической истории Южного Урала, мишари края по-прежнему упоминаются в трудах лишь вскользь, оставаясь наименее исследованной этнической общностью местности. Именовавшиеся служилыми мещеряками, они представляли собой особую группу, занимавшую промежуточное положение между прочими припущенниками и башкирами-вотчинниками. Процессы, происходившие в жизни мишарей Южного Урала, рассматриваются на фоне военно-политической и социальной обстановки в крае и эволюции кантонной системы управления. Автор показывает воздействие кантонного строя на завершение становления мишарей Южного Урала как этносословной общности. Также уделяется внимание превращению мишарей в часть «новобашкир», что, безусловно, способствовало размыванию идентичности, поэтому после упразднения Башкирского войска был ускорен перевод мишарей в категорию свободных сельских обывателей. Данная тема актуальна, поскольку в подобном ракурсе в научном обществе пока не анализировалась.

Ключевые слова:

мишари, «мещеряцкий народ», служилые мещеряки, южноуральские мишари, Южный Урал, Башкирия, кантоны, кантонное управление, Башкиро-Мещерякское войско, Башкирское войско, иррегулярные войска, припущенники, старшины, этносословная общность.

Kilmamatov Ruslan Ramilevich

PhD student, Bashkir History, Ethnology
and Archaeology Department,
Institute of History and Governance,
Bashkir State University

MISHARS OF THE SOUTHERN URAL IN THE NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE CANTONS' PERIOD

Summary:

This historical and ethnological research analyzes the history of the Mishars Southern Ural during the period of functioning of the cantons' government system in the region, when their estate and ethnic boundaries generally coincided. The historical aspect of the study reflects key milestones of this period between 1798 and 1865, with a brief historical excursion to an earlier period. The paper attempts to reconstruct the process of forming and developing the Mishars' identity, taking into account the identification of factors that had a direct impact on this process. The scientific novelty of the research consists in the fact that for the first time an attempt was made to comprehensively consider the scantily explored ethnic community – the Mishars of the Southern Ural. Despite the considerable interest of researchers in the ethnic history of the Southern Ural, the Mishars of the region are still mentioned only in passing in research, remaining the least studied ethnic community in the region. They were called meshcheryaks, and they were a special group that occupied an intermediate position between other pripushchenniks and Bashkirs-patrimony. The processes that took place in the life of the Mishars of the Southern Ural are considered against the military-political and social situation in the province and the evolution of the cantons' system of government. The author reveals the influence of the cantons' period on the completion of the Mishars of the Southern Ural formation as an ethnosocial community. The study also focuses on the transformation of Mishars into a part of "novobashkiry", which, of course, contributed to the blurring of identity. So, after the abolition of the Bashkir army, the process of transferring Mishars to the category of free rural inhabitants was accelerated. This research is relevant, since it has not yet been considered in the scientific community from such a perspective.

Keywords:

Mishars, "Meshcheryak people", service meshcheryaks, Mishars of Southern Ural, Bashkiria, cantons, cantons' system, Bashkir-Meshcheryak army, Bashkir army, irregular troops, pripushchenniks, Elders, ethnosocial community.

Исторически Россия – многонациональное и многоконфессиональное государство. История каждого народа, даже небольшого по численности, очень важна. Казачья культура – значимая черта исторического облика Урала, которая нашла отражение и в истории Башкиро-Мещерякского войска, составленного из объединенных Башкирского и Мещерякского войска. Несмотря на то что в настоящее время велик интерес к этнической истории Урало-Поволжья, мишари Южного Урала по-прежнему остаются практически вне поля зрения исследователей. Эту разнородную по происхождению общность объединял особый военно-служилый статус, сформировавший

специфическую этносословную идентичность. Переселение мишарей из Волго-Окского междуречья на Южный Урал происходило в период вхождения региона в состав Российского государства. Они появились в крае вместе с другими служилыми людьми для защиты территории от нападений ногайцев, первоначально расселяясь в окрестностях Уфы. Их прежняя родина после присоединения Казани к России утратила пограничный статус, в связи с чем правительство решило переселить часть мишарей на новое порубежье. Поскольку до строительства Оренбурга и создания укрепленной линии на реке Урал Башкирия находилась в предполье Закамской черты, поселения служилых мещеряков прикрывали крепости и тракты, подобно казачьим станицам.

В «Записке Оренбургского губернского правления по вопросам управления разными группами населения Башкирии» за 1800 г. о мишарях говорится следующее: «Сей народ не коренной Оренбургской губернии, но перешедший по нынешнему положению Симбирской губернии из Алатурского и Симбирского уездов без обложения ясаком, а только по грамоте 7106 г. (1598) велено служить им мещерякам, по городу Уфе с дворянами и иноземцами» [1, с. 581]. Необходимо упомянуть и переселившихся из Касимовского ханства темниковских мишарей, владевших жалованными землями и неохотно роднившихся с остальными мишарями. На Южном Урале мишари, территориально оторвавшись от мишарей Среднего Поволжья, испытывали сильное этнокультурное воздействие как казанских татар, так и башкир.

В XVII–XVIII вв. переселенческий поток мишарей усилился из-за перевода служилых татар Поволжья в податное сословие и ущемления в правах не желавших принимать крещение мурз. Башкирия, оставаясь пограничным краем, по-прежнему нуждалась в военных поселенцах, а также имела большие земельные угодья, чем Поволжье. Башкиры охотно пускали мишарей на свою территорию в качестве арендаторов-припущенников, чему способствовало и то, что они были единоверцами. В отличие от других арендаторов мишари, как и башкиры, были обязаны нести службу по охране границы и принимать участие в походах в качестве всадников. Несмотря на то что некоторые мишари, включая мурз, все же принимали крещение, в основной массе они оставались мусульманами. Необходимо отметить, что в официальных документах Уфимской и Оренбургской губерний мишарей называют служилыми мещеряками [2, с. 363].

10 июля 1742 г. начальник Оренбургской комиссии И.И. Неплюев при поддержке вице-губернатора Уфимской провинции П.Д. Аксакова принял решение о привлечении мишарей, как и башкир, на службу по линии, куда ежегодные наряды отправлялись после 1743 г. [3, с. 17]. Основной обязанностью, возложенной на них, была военная повинность – вместе с оренбургскими и уральскими казаками нести кордонную службу на Оренбургской и Сибирской пограничных линиях и участвовать во всех войнах, которые ведет Россия. Мишарей и башкир привлекали также к несению этапной службы, конвоированию ссыльных в центральных и западных губерниях страны.

Военная служба мишарей была выгодна правительству тем, что исполнялась за их счет, а сами они являлись потомственными конными воинами. При защите пограничной линии от набегов именно на иррегулярную кавалерию ложилась основная тяжесть схваток с налетчиками и преследование их отрядов в степи. Для упорядочения организации управления и несения кордонной службы в крае оренбургский губернатор О.А. Игельстром ввел деление на юрты. С 1797 г. башкиры и мишари, неся воинскую службу, числились уже не по гражданскому ведомству, а по военному. В 1798 г. был издан императорский указ, по которому «башкиры и мишари переведены в военно-казачье сословие с образованием 11 башкирских, 5 мещеряцких кантонов, калмыцкого, 5 оренбургских и 2 уральских кантонов» [4, с. 20]. Каждым кантоном управлял кантонный начальник, назначенный из представителей башкирской или мещеряцкой знати, ему подчинялись юртовые старшины и деревенские начальники. Занимавшие посты кантонных и юртовых начальников носили действительные (армейские, класные и казачьи) и временные зауряд-чины (присваиваемые военным губернатором). Действительные чины давались правительством за военные заслуги или продолжительную службу в зауряд-чинах.

Целями кантонного реформирования стали, во-первых, планомерное усиление охраны юго-восточных границ; во-вторых, стремление «умиротворить» Башкирский край; в-третьих, перекладывание на плечи местного населения охраны восточных границ России, облегчавшее нагрузку на регулярные войска. Нужно отметить, что российское правительство грамотно и дальновидно делало ставку на башкир и мишарей, неоднократно демонстрировавших природные воинские навыки, столь необходимые при ведении степной войны, и имевших до этого опыт (хоть и эпизодический) участия в войнах государства.

Итак, с конца 1798 г. мишари вместе с башкирами несли «казачью службу»: охраняли пограничные линии, участвовали в войнах России и выполняли полицейские функции, в том числе в Москве. В прошениях и официальных документах они именовались «мещеряцким народом». Так, атаман Оренбургского казачьего войска Углецкий в 1812 г. предложил отправить против Наполеона «от 10 до 30 пятисотенных полков из Башкирского и Мещеряцкого народов» [5, с. 85].

Предложение было принято, но число полков ограничило – мещеряки выставили только два полка: 2-й мещеряцкий полк участвовал в Заграничном походе и отличился при осаде крепости Глогау, которую осаждал 2-й мещеряцкий полк, а 1-й – 5 лет нес полицейскую службу в Москве. Кроме того, мишари вместе с башкирами добровольно подарили правительству 4 139 лошадей, предназначенных для нужд армии. 15 мая 1816 г. Александр I объявил «Высочайшее благоволение башкирскому и мещеряцкому народам за подаренных в 1813 г. лошадей» [6, с. 473].

Полного перевода мещеряцкой знати в дворянство правительство не осуществляло, но благодаря военной службе можно было получить личное или потомственное дворянство. Тем не менее, как и в прочих казачьих войсках, дворянский титул не освобождал от обязательной воинской службы. Одной из привилегий было обучение детей башкиро-мещеряцкой элиты в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, своеобразной кузнице кадров командного состава войска. Казаки-мещеряки гордились тем, что несут воинскую службу, и с недоверием относились к попыткам заменить ее другими повинностями. Показателем сотрудничества центрального правительства с местными элитами на примере мишарей Южного Урала является их включение в структуру управления, они становились надежной опорой для властей. Несмотря на немногочисленность, мишарская старшинская верхушка обладала большим влиянием в губернии. Оно распространялось фактически на все стороны жизни края, так что именно верхушке было обеспечено полное доверие властей. К тому же она выделялась богатством, «добрым состоянием» [7, с. 200].

С введением кантонной системы управления правительство превратило национальную элиту башкир и мишарей в кадры для войскового управления, а также регламентировало военную службу и охрану границы. Территориальное деление тюркского населения осуществлялось «островками», расположенными в окружении крестьян и казаков, и подвергалось постоянным реформациям в целях упорядочения управления [8, с. 8]. Все это позволяло собирать более объективную информацию о численном составе населения.

Башкиры и мещеряки были полностью охвачены административным контролем государства и получили статус, схожий с положением казаков. Запрещались самовольные отлучки из деревень, для передвижения по уезду требовались отпускные свидетельства от юртовых старшин, по губернии – от кантонных начальников. Кроме того, губернаторы П.К. Эссен и П.П. Сухтелен считали даже йыйыны (народные собрания), на которые по давней традиции съезжались из разных деревень башкиры, мишари, татары и тептяри, несовместимыми с регламентом службы. Военно-служилое население воспринималось исключительно как щит в защите степного пограничья, и оренбургские власти с неодобрением смотрели на подобные съезды.

До издания указа «О правах башкирцев на земли в Оренбургском крае» в 1832 г., когда было решено наделить «Мещеряков, Тептярей и Бобылей, как занимающихся более скотоводством или несущих казачью службу, 30 десятиною» [9, с. 198], они продолжали платить башкирам-вотчинникам оброк за пользование их земельными угодьями. Имевших до этого указа собственных, а не арендованных земель мишарей было немного. К 1841 г. жалованными землями обладали 1 806 мишарей из шести деревень Бирского уезда, 1 652 мишаря из трех деревень Уфимского уезда [10].

Показательно, что в разные периоды правительство меняло взгляд на башкиро-мишарские браки, но в целом не одобряло их. И без того запутанные земельные отношения в крае могли еще больше осложниться. Например, указ начальника Оренбургской экспедиции В.Н. Татищева от 4 марта 1737 г. запрещал взаимные браки между мишарями и башкирами: «как вам от башкирцов в супружество брать, так и башкирцам ваших дочерей давать под жестоким наказанием запресчаются и рядовым без ведома сотников, а сотникам старшины в башкирские жилища ни за чем не ездить» [11, с. 384]. В период нахождения в составе военно-служилого сословия мишарям предписывалось не устраивать смешанных поселений с башкирами. Власти опасались их сближения на уровне семей, дабы не спровоцировать влияния «предрасположенных к бунтам» башкир на верных правительственному курсу мишарей. Однако в кантонный период браки между представителями башкирской и мишарской знати были нередки. Наиболее ярким примером можно назвать семью войскового старшины Фадхуллы Резяпова, управлявшего 2-м мещеряцким кантоном, а позже и 3-м. Его сын, Мурзагалий, служивший кантонным начальником 1-го мещеряцкого кантона (1854–1856), был женат на Фахирзамале, дочери влиятельного чиновника Лукмана Ибрагимова (1828–1854), управлявшего 7-м башкирским кантоном (с 1847 г. – 8-м) [12, с. 15]. Обе дочери войскового старшины вышли замуж за башкирских кантонных начальников.

Как справедливо отмечает профессор С.В. Любичанковский, «национальная политика Российской империи носила вариативный, часто ситуативный характер» [13, с. 6]. Политика в отношении Башкиро-Мещеряцкого войска не являлась исключением. В течение 30 лет было предложено 10 проектов преобразования кантонной системы и соответственно войска. Постепенно от

обороны Оренбургской линии правительство перешло к наступлению в казахские степи, и важную роль в этом должны были сыграть башкиро-мещеряцкие всадники. В 1834 г. по представлению оренбургского военного губернатора В.А. Перовского военным министром был подписан указ о введении должности командующего Башкиро-Мещеряцким войском, аналогичной наказному атаману в других казачьих войсках. До этого кантонные начальники подчинялись напрямую оренбургскому военному губернатору. В 1835 г. войско было разделено на шесть попечительств под началом русских штаб-офицеров, непосредственно подчинявшихся командующему войском: 1-й мишарский кантон вошел во второй округ (с центром в Челябинске); 2-й и 5-й – в четвертый (с центром в Стерлитамаке); 3-й и 4-й – в пятый округ (с центром в Уфе). Однако уже в 1847 г. был упразднен 5-й мишарский кантон, чья территория и население были разделены между соседними башкирскими кантонами. Сами кантоны, в свою очередь, делились на прилинейные (несшие военную службу) и внутренние (выполнявшие преимущественно небоеовые задачи), к последним и были отнесены мещеряцкие кантоны. Кроме несения военной повинности, башкиры и мишары начали привлекать и к выполнению так называемых «общественных работ»: ломке строительного камня, сплаву леса, проведению торговых и почтовых трактов и т. п. [14, с. 43]. В 1851 г., в соответствии с данными материалов IX ревизии, в четырех мишарских кантонах проживало 86 тыс. человек, в 1856 г. в 28 кантонах зарегистрировано 110 595 мишарей [15, с. 12].

К середине XIX в. политика государства по отношению к социальному статусу башкир и мишарей изменилась, наметилась тенденция к сокращению военной нагрузки на войско и замене ее денежными и трудовыми повинностями. Вместе с этим после 1855 г. Башкиро-Мещеряцкое войско, переименованное в Башкирское войско, было увеличено за счет присоединения к его составу тептярей и бобылей. Теперь оно делилось на 28 кантонов, образованных не по этническому принципу, а по территориальному. Мишари отныне именовались либо «казаками-башкирами», либо «башкирами из мещеряков». Ускорила межэтническая интеграция, при этом мишари начали воспринимать себя не только как «мещеряцкий народ», но и как «башкиры». В этот период войско приняло участие в Крымской войне, отправив два полка для охраны побережья Прибалтики от англо-французских десантов. Параллельно всадники Башкирского войска были задействованы во взятии Ак-Мечети в Средней Азии.

Однако после создания Сырдарьинской линии Южный Урал утратил пограничный статус и отпала надобность в многочисленном Башкирском войске, которое с 1861 г. окончательно перестало привлекаться для линейной службы. 14 мая 1863 г. император Александр II утвердил новое «Положение о башкирах», по которому башкиры, мещеряки, тептяри и бобыли приобрели гражданское устройство «как свободные сельские обыватели» [16, с. 384]. Мишари после ликвидации кантонной системы получили по 30 десятин земли на душу (как и тептяри), т. е. в 2 раза больше, чем «гражданские» припущенники, так что даже во второй половине XIX – начале XX в. сословный характер группы мишарского населения сохранился, хотя и в видоизмененной форме – на базе специфики землевладения. В течение 1861–1865 гг. число кантонов было сокращено до 11, по количеству уездов, и в 1865 г. они были ликвидированы окончательно.

По мнению основателя башкирской этнологической школы Р.Г. Кузеева, включение тептярей в кантонную систему и объединение башкир, мишарей и тептярей в Башкиро-Мещеряцком войске серьезно повлияли на «смешение у части мишаро-тептярского населения понятия об этнической принадлежности» [17, с. 223]. Следует учесть и то, что сами мишари края были неоднородны по происхождению и их восприятие себя как «мещеряцкого народа» было связано с этносословным статусом. Позже, окончательно лишившись сословной обособленности, мишари сильнее стали подвергаться влиянию других этносов, в частности наметилось сближение с бывшими ясачными татарами в области самосознания.

Итак, правительство империи в исследуемый период было заинтересовано в эффективной интеграции Южного Урала в общероссийское пространство и укреплении юго-восточных границ. Для этих целей создавались военно-служилые корпорации из тюркских народов края, в частности мишарей. Введенная кантонная система управления способствовала успешному воплощению поставленных целей. Мишари фактически получили самоуправление на кантоном уровне, и это способствовало их консолидации как этносословной группы. Если до 50-х гг. XIX в. они по-прежнему воспринимали себя как особую этносословную общность, то после упразднения Башкирского войска мишари Южного Урала переживали кризис идентичности, что содействовало их дальнейшему сближению с другими группами татарского народа.

Ссылки:

1. Материалы по истории Башкирской АССР / авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Т. V. М., 1962. 783 с.
2. Кеппен П.И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. 510 с.

3. Кузнецов В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края (XVIII–XIX вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2011. 31 с.
4. Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865). Уфа, 2005. 256 с.
5. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1, т. 32, № 25201. СПб., 1830. 1135 с.
6. Рахимов Р.Н. Мещерякские полки в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы : материалы международной научной конференции / сост. А.В. Горбунов. Бородино, 2014. С. 462–475.
7. Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа, 1998. 512 с.
8. Щур В.М. Тюркское население Южного Зауралья в феодальную эпоху (демография, экономика) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2000. 24 с.
9. ПСЗРИ. Собр. 2, т. 7, № 5287. СПб., 1833. 1414 с.
10. Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в. // Южноуральский археографический сборник. Вып. 2. Уфа, 1976. С. 319–330.
11. Материалы по истории Башкортостана / авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Т. VI. Уфа, 2002. 768 с.
12. Тагирова Л.Ф. Семейно-родственные связи как один из факторов в формировании элитарных слоев в управлении (на примере башкирского общества первой половины XIX в.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 6 (297). История. Вып. 54. С. 14–17.
13. Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи) : монография / науч. ред. С.В. Любичанковский. Оренбург, 2019. 479 с.
14. Очерки по истории Башкирской АССР / под ред. А.П. Смирнова [и др.]. Т. I, ч. 2. Уфа, 1959. 535 с.
15. Кеппен П.И. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб., 1857. 298 с.
16. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях : сборник документов и материалов / сост. Ф.Х. Гумеров. Уфа, 1999. 567 с.
17. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. 2-е изд., стереотип. Уфа, 2009. 296 с.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович